

© 1998 г.

Ж.Т. ТОЩЕНКО

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И СОЦИОЛОГИЯ

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич - член-корреспондент Российской академии наук.

Майский номер открывается новой для нашего журнала рубрикой "Историческая социология". Эта новация имеет, на наш взгляд, принципиальную особенность: с одной стороны, отражает имеющуюся в отечественной социологии традицию рассматривать многие социологические проблемы в тесной связи с историческим знанием, с другой, данная отрасль социологии до сих пор в полной мере не конституирована, плохо развита и нуждается в обмене мнениями, сопоставлении наработанного и желаемого, достигнутого и планируемого.

Становление и развитие отечественной исторической социологии - и новая, и старая проблема. Новая потому, что специальных и особенно фундаментальных работ, посвященных именно такой постановке вопроса, в нашей литературе практически нет. Старой же эту проблему можно назвать потому, что в российской науке накоплен обширный материал, который на деле знаменует определенный синтез исторического и социологического знания.

Достаточно сказать, что многие видные русские социологи были историками, пришли в социологию из истории - Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, А.С. Лаппо-Данилевский, В.М. Хвостов и др. В этот период трудились и такие известные ученые как В.О. Ключевский, который сам называл себя историком-социологом, И.И. Лучицкий, А.И. Стронин, С.Н. Южаков, Д.М. Щеглов и др. Данная традиция в значительной мере сохранилась и в 20-е годы, в первые годы советской власти. Плодотворно работали тогда такие известные социологи-историки как Н.А. Рожков, историки-социологи Р.Ю. Виппер, Д.М. Петрушевский. Нам предстоит заново открыть несправедливо забытые имена как академик А.М. Большаков, который создал прекрасный и во многом непревзойденный труд "Деревня. 1917-1927.". Эта работа - блестящий образец комплексного историко-социологического исследования ситуации в послереволюционной деревне и непосредственно перед коллективизацией. До сих пор нет удовлетворительного анализа творческого наследия М.Н. Покровского и его школы, которая многое сделала для социологического прочтения истории нашей страны.

Что касается проблем социолого-исторического знания, то для его возрождения в 60-е годы многое сделали социологи-историки - Ю.В. Арутюнян, Л.А. Гордон, Л.М. Дробижева, Э.В. Клопов, М.М. Громыко, В.А. Устинов,

О.И. Шкаратан, а также историки-социологи - Е.В. Полетаев, Ю. А. Поляков, И.Д. Ковальченко и др. (идея о классификации исследователей, работающих на стыке социологии и истории, как социологов-историков и историков-социологов, принадлежит Е.И. Кукушкиной). Несколько позднее в 70-80-е годы идеи исторической социологии стали активно развивать М.Н. Губогло, Е.И. Пивовар, А.А. Соколов (Москва), В.В. Иванов (Казань), Б.М. Миронов и др. Следует отметить, что в социологии работают сейчас много бывших историков, которые, непосредственно не занимаясь проблемами исторической социологии, тем не менее обладают высокой культурой исторического мышления, что значительно обогащает и повышает общий творческий потенциал их социологических работ.

Не следует забывать и еще об одном достойном упоминания факте: долгие годы познание социальных проблем исторического процесса предпринималось в рамках исторического материализма, что имело как позитивные, так и негативные аспекты. С одной стороны, был осуществлен анализ и выявлены исторические закономерности развития истории (что было, например, реализовано в работах Г.П. Францева). С другой стороны, именно функционирование исторического материализма ставило под сомнение целесообразность существования исторической социологии.

На современном этапе развития социального знания в России сложилось, на наш взгляд, несколько подходов, характеризующих историко-социологический метод при изучении общественных процессов.

Во-первых, это плодотворные попытки изучить прошлое методами социологического ретроспективного анализа. К их числу можно отнести работы И.Д. Ковальченко, В.З. Дробижева, В.В. Гришаева, Е.В. Полетаева, Ю.А. Полякова и ряда других историков.

Во-вторых, социологические методы успешно развивались и применялись для анализа и сопоставления прошлого исторического опыта с реальным современным состоянием российского (советского) общества, что нашло отражение в исследованиях Г.А. Гордона, Э.В. Клопова. Л.М. Дробижева и О.И. Шкаратан создали специальные работы, анализирующие взаимоотношения социологии и истории. Многие ученые последовали за ними и создали труды, которые можно назвать добротным синтезом исторического и социологического знания.

В-третьих, это методы сопоставления социологической информации за достаточно продолжительный период времени (за несколько десятков лет) в тесной увязке с другими методами, используемыми как социологической, так и исторической наукой. Так, в работах Ю.В. Арутюняна и возглавляемого им научного коллектива дается сравнительный анализ (с интервалом примерно 10 лет) этнических проблем, начиная с 60-х годов, с выявлением тех тенденций, которые происходят в сфере национальных и межнациональных отношений. Яркий след оставили в нашей науке сравнительные историко-социологические исследования, проведенные в с. Копанка в 30-е, а затем в 60 и 70-е годы.

В-четвертых, получили развитие формы специального исторического знания, посвященные процессу осмысления отдельных историко-социологических проблем, что нашло отражение в трудах таких социологов-историков как

Е.И. Кукушкина (по истории социологии), М.Г. Панкратова (о социальных проблемах сельской женщины).

И наконец, это пока немногочисленные попытки изучить такое уникальное проявление духовной самобытности народа как историческое сознание и связанные с ним исследования исторической памяти, что, как показывают небольшие, но весьма интересные исследования В.И. Меркушина, Р.А. Ханаху, О.М. Цветкова, дает весьма впечатляющую характеристику мотивов и ценностей русского и других народов нашей страны. Появились первые, пока робкие попытки осмыслить историю своей семьи, составить родословную, познать свои корни, которые бы не ограничивались в основном (как это ни печально признавать) некоторой информацией о дедушке и бабушке, не более, и то зачастую очень смутной. К исторической памяти следует отнести и знание истории своего села или города, своей улицы и даже своего дома. Если продолжить познание своего исторического "Я", то можно сказать, что человек всегда располагает некоторой информацией (зачастую очень разрозненной) об истории своего народа, его обычаях и традициях. Без этого знания духовный мир человека несомненно беднее, ограниченнее и примитивнее и даже беззащитнее в своей жизненной закалке и моральной стойкости.

Эмпирические и поисковые исследования, проведенные в 80-90-е годы, выявили заслуживающие серьезного осмысления ориентации и оценки исторического сознания: например, какие исторические личности сохранились в памяти людей, какие события мировой и особенно отечественной истории представляются значимыми? Все это позволяет утверждать, что неперенным атрибутом общественного сознания является историческая память, которая в условиях коренных общественных сдвигов имеет тенденцию к оживлению своей роли в духовном потенциале как отдельного человека, так и народа в целом. На наш взгляд, нельзя сформировать новую российскую государственность, новое российское гражданское общество без определенного уровня знания, понимания и уважения к собственной истории. И здесь место социологии в осмыслении прошлого достаточно велико. Ратуя за такую постановку вопроса, мы не хотим преувеличить значение исторической памяти, противопоставить ее другим компонентам общественного сознания, ибо прекрасно понимаем, что его абсолютизация может породить много серьезных социальных издержек, как это, например, случилось с этническим самосознанием, гипертрофией этнического фактора.

За последние годы в нашем журнале были предприняты попытки привлечь историков для обстоятельного анализа социологических проблем, имеющих огромное историческое значение. Читатели знают, что в первой половине 90-х годов в "СОЦИСе" появилась рубрика "Архивы начинают говорить". На суд общественности были вынесены многие волнующие людей и поныне события и процессы прошлого. Это нашло отражение в материалах Б.Н. Казанцева о "неизвестной" статистике уровня жизни рабочего класса (1993, № 4) и проблемах занятости городского населения в середине 60-х годов (1996, № 5); А.А. Шевякова о всесоюзной переписи 1939 года и "тайнах" послевоенной репатриации (1993, № 5 и № 8) и советской продовольственной помощи странам народной демократии (1996, № 8); В.П. Попова о демографической ситуации в

России в 40-е годы и после Великой Отечественной войны (1994, № 10; 1995, № 3 и 4), о паспортной системе в СССР (1995, № 8 и 9); В.Н. Земскова о заключенных в 30-е годы (1996, № 7) и репатриации советских граждан и их дальнейшей судьбе (1995, № 5 и 6).

Определенное место проблемы исторической социологии нашли отражение в публикациях, которые были посвящены социальной и экономической политике в нашей стране (В.И. Кабалина, Е.С. Шамина, А.И. Черных). В рамках социальной структуры были опубликованы интересные статьи И.А. Голосенко о нищенстве (1996, № 7 и 8), О.В. Артемовой о деятельности сельской женщины в 1920-1990-х гг. (1997, № 8). Но особенно много историко-социологического материала содержит раздел "Дискуссии", в которых опубликованы статьи о проблемах евроцентризма и федерализма (А.Ф. Зотов, А.И. Зимин и др. (1996), итогах и уроках русской революции 1917 года (А.П. Бутенко, С.В. Картунов, И.Я. Левяш, 1997).

В заключение хотелось бы высказать несколько соображений о том, как нам видится дальнейшее развитие исторической социологии. Поскольку историческая социология - одна из составных частей социологии, ее специальная теория, она не может отрываться от тех основополагающих принципов, которые характеризуют предмет социологии вообще. В социологии, в том числе и отечественной, существуют различные точки зрения на предмет социологии и это должно обязательно учитываться теми исследователями, которые будут придерживаться той или иной позиции.

Так как, на наш взгляд, предмет социологии составляет реальное общественное сознание в его противоречивом развитии; деятельность, действительное поведение людей, социально-экономические условия функционирования как сознания, так и поведения, то это утверждение можно в полной мере отнести и к предмету исторической социологии. Но это соотнесение необходимо осуществить творчески. С учетом специфики данной отрасли социологического знания на первый план мы должны поставить конкретно-исторические условия, те реальные обстоятельства, в которых действовали люди, но с учетом требований социологической науки - выявлять не столько единичное, неповторимое, объективно обусловленное, а особенное и даже общее, что позволяет сгруппировать (классифицировать, типологизировать) однопорядковые явления и процессы в разнородных исторических средах. Соответственно не менее серьезное значение имеет анализ исторического сознания и деятельности людей по реализации мотивов, ценностей, установок, имеющих прямое или опосредованное отношение к исторической памяти народов. Конечно, нам надо сопоставить идеи, касающиеся исторической социологии в зарубежной мысли, что несомненно обогатит наши представления о том комплексе проблем, которые находятся на стыке двух наук.

Итак, мы открываем новую рубрику и приглашаем наших читателей и авторов принять участие в обсуждении выдвинутых и еще во многом спорных, но несомненно важных и актуальных проблем.